

Дом Николая Александровича Плотникова можно без приувеличения назвать украшением Берсеневки. Выглядит он как сказочный теремок, в отделку которого хозяин вложил всю душу.

Как свидетельствуют отзывы наших читателей, материалы об истории населенных пунктов района, о судьбах их жителей неизменно вызывают интерес у людей самого разного возраста. Поэтому мы продолжаем этот цикл и сегодня опубликуем воспоминания Николая Александровича Плотникова из Берсеневки. Мы уже как-то раз рассказывали об этом мастере-умельце и его похожем на сказочный теремок доме, любовно украшенном ажурной резьбой и красивыми наличниками. Но, как оказалось, многое осталось «за кадром», ибо в одном газетном материале не реально передать все воспоминания старожилы и его матери, Софьи Николаевны, которой этой осенью исполняется сто один год!

«Мы из рода Чегиных»

- Наши прадеды похоронены здесь, в Берсеневке. Переселились они сюда с того дня, как началось строиться село, то есть в семнадцатом веке. Земли здесь давали стрельцам, оттуда и мы род свой ведем. В конце Берсеневки стоит самое старое здание, где раньше на пригорке была школа. Дом, конечно, не семнадцатого века, но все равно старинный. Рядом стоял дом моей бабушки, Александры Осиповны, матери моей мамы. Все они были из рода Чегиных. Прадед, Осип Чегин, воевал в японскую войну, откуда пришел раненый в ногу. Царь положил ему большую пенсию, которую платили исправно, что было очень кстати: у Осипа было семь детей: шесть дочерей и один сын. Чтобы прокормить всех, он брал в аренду швейную машинку у приезжавших в село на тарантасе евреев и обшивал жителей Берсеневки: шил шубы. Умер прадед в Гражданскую войну. Его дочь, мама моей матери, Александра Осиповна, родилась в 1900 году. В 1918-м вышла замуж за Николая Федосеева, у них родилась дочка Софья. Как они жили, ладно или нет, не знаю, но Федосеев потом женился на другой, а бабушка вышла замуж за Прохорова, у них родились трое сыновей и четыре дочери. Сыновья, Иван, Павел и Степан, воевали на фронте. Павел погиб, Степан вернулся калекой, а Иван стал летчиком, офицером. На фронт ушел в восемнадцать лет. За мужество его наградили орденом Красной Звезды, имел и медали. Был ранен.

Трудовой путь моей матери начался рано. В четырнадцать лет она вместе с отцом ездила в Орск убирать хлеб. Тогда из Берсеневки туда поехала целая бригада. Мама управляла лошадей – возила воду в поле для работников. Наши колхозники трудились на совесть, поэтому привезли из Орска сорок пудов хлеба.

Бабушка Александра Осиповна окончила всего четыре класса, но по тем временам слыла человеком грамотным. В колхозе ее поставили учетчицей, выбирали депутатом сельского Совета. Но по характеру она была жесткой, хотя и справедливой. Мой отец – участник войны, служил в летных войсках. На военном аэродроме, он базировался, где потом построили корпуса СИС – ЭВС, они готовили самолеты к отправке в армию. Мать носила молоко курсантам, там и познакомилась со своим будущим мужем. В 1943 году родился я. Когда война закончилась, отец решил уехать к себе на родину в Новосибирск, но бабушка не отпустила с ним маму: надо было сидеть с маленькими сестрами. Так и развелись мои родители. Отец уже дома женился на другой женщине, но я не в обиде на него. Он всегда помогал мне, приезжал в Берсеневку. Собственно говоря, повторилась история со школой, в которую бабушка маму тоже не пустила:

некому было сидеть с младшими сестренками. Она сама уже выучилась читать и писать, младшие-то сестры в школу все-таки ходили. К тому же на подворье всегда была живность: корова, овцы, куры. Всех надо было обихаживать, бабушка ведь работала в колхозе до темна.

«Ваши документы пропали»

- Да, мама прошла долгий и нелегкий трудовой путь, - продолжал свой рассказ Николай Александрович. – Еще до замужества, в 1941 году, их бригаду послали под Ленинград добывать торф. Там их и застала война. Мама вспоминала, какой ужас пришлось пережить, когда налетели немецкие самолеты, и началась бомбежка. Она отстала от своих, но ее спасли наши солдаты. Неделю жила в землянке, потом ее отправили в Москву. До дома добиралась долго. А между тем члены ее бригады уже вернулись в Берсеневку: «Софья-то погибла! Убили!» В слезах родственники начали готовить похороны, пусть и без тела погибшей, но справили все, как положено. Мама тем временем добралась до Рузаевки: без документов и денег, помогли добрые люди. Представляете, какой шок испытали ее близкие, когда после долгих мытарств она вернулась домой! Позже мама до шестидесяти лет работала в колхозе. Начала оформлять пенсию и тут сюрприз: «А ваших документов нет! Пропали!» Где только мы не искали их, все бесполезно. Как заколдованный круг, так мама и не смогла доказать, что работала во время войны. Говорят: «Давайте свидетелей, которые подтвердят это!» А где их взять, свидетелей этих, так мы и решили больше никуда не ходить. Пенсия у мамы хорошая, ее все же признали труженицей тыла.

Секрет ее долголетия

Сто лет, а скоро исполнится сто один год. К тому же в полной памяти, в которой сохранились имена и события далеких лет. «В чем секрет долголетия мамы?» - переспросил Николай Александрович. – Да тут нет особого секрета. Во-первых, она из рода долгожителей. Ее тетя умерла в девяносто пять, дядя, а мой дедушка Матвей – в девяносто шесть. Он, кстати, принимал участие в Первой мировой войне, потом – в штурме Зимнего. Рассказывал, что видел Ленина.

Что касается мамы, она постоянно была в движении, не помню, чтобы просто сидела, ничего не делая. Даже в огороде только года два, как больше не занимается. До девяноста девяти лет все возилась на грядках! Ну, и питались со своего подворья. К тому же выпавшие невзгоды тоже закалили ее. До сих пор мама помнит многих председателей колхоза, особенно тепло вспоминает дядю Егора Федосеева, его дочь Мария Георгиевна работала учительницей.

Из истории села

Берсеневка всегда славилась своими мастерами. Но вот только не у всех жизнь сложилась гладко. Николай Александрович вспомнил рассказы стариков о судьбе Николаевых, живших на его улице в довоенное время. Мастера были знатные. На все руки. В начале прошлого века, еще до революции, прямо на поле поставили мельницу. Деревянный вал привезли издалека, а камень, так вообще с Урала везли на лошадях. Во всяком случае, так рассказывали старики. И, как крепкие хозяева в годы коллективизации попали под раскулачивание. Выселили всю семью, только одна дочь успела спрятаться в омете, ее не нашли. Куда уж потом она подалась, никто не знал.

А еще в голодомор приходили в Берсеневку с Волги беженцы. Смотреть на них было страшно. Некоторые из них так и остались в селе. Один даже потом женился на местной девушке. Жителей же Берсеневки спасали огороды и домашняя живность. Правда, в войну приходилось все сдавать: молоко, мясо, яйца, даже картошку, но все равно, как-то держались. Такого голода, как в Поволжье не было.

- Что еще примечательно, - вспоминал Николай Александрович, - это наши деревенские прозвища. Иной раз даже не понятно было, откуда они брались. Моего дедушку прозвали «Букляй». Что это означало, не скажу. В этом году ему исполнилось бы сто тридцать лет. Неподалеку от нас жил дедушка Ефим Максимов, которого прозвали диким – он был неразговорчив, мало общался с другими односельчанами, но мастер был – золотые руки! Или дедушка Яша Мишкин, дядя Ваня Макаров, Ефим Чегин. А вообще в нашей родне по линии бабушки Александры мужчины были знатными плотниками, они строили старый город. Жаль только домов тех уже почти не сохранилось. От них, видимо, и я унаследовал страсть к этому мастерству.

Еще был примечательный случай. Дед Матвей жил в старом доме. Мужики ему не раз говорили: «Надо новый строить». А он привез много книг, читал их. Вот и отвечал: «Коммунка построит». Да не дождался своей «коммунки». Балка упала, чуть не придавила его, тогда зять не выдержал, и сам построил старику новый дом.

Е. ФЕДОРОВА